

Лю Чжицянь родился в семье интеллектуалов. Он всегда был заядлым читателем и страстным писателем. В средней школе он занимался литературой и все три года был представителем класса гуманитарных наук. Он участвовал в различных писательских конкурсах, написал не мало рассказов, но никогда не занимал высоких мест в этих конкурсах и редко проходил даже предварительный отбор. Он был просто посредственным писателем, и его постоянные попытки быть опубликованным были сродни бросанию камней в океан, чтобы посмотреть, как они тонут.

Постепенно он пришел к пониманию того, что у него просто нет того, что нужно, чтобы стать публикующимся автором.

Для начинающего шестнадцати- или семнадцатилетнего писателя это осознание было разрушительным. Но Лю Чжицяня можно назвать стойким, и он недолго пребывал в отчаянии, прежде чем взял себя в руки и набрал достаточно баллов на национальном вступительном экзамене в колледж, чтобы поступить в один из трех лучших университетов страны.

В колледже Лю Чжицянь посещал только обязательные курсы, а все свободное время посвящал чтению. Он читал все — от классики до популярных зарубежных произведений, и даже копался в интернет-романах, которые в то время только начинали становиться популярными. В то же время он составлял подробные отчеты различных издательских агентств. С самого раннего возраста Лю Чжицянь знал, чем он хочет заниматься в жизни.

Если ему не хватало таланта и способностей, чтобы стать писателем, то вместо этого он хотел сделать карьеру в издательском деле.

Он не мог написать ничего такого, что считалось бы достойным публикации, но если бы он мог помочь писателям с врожденным талантом донести свои произведения до публики, то Лю Чжицянь мог бы считать свою мечту хотя бы наполовину осуществленной.

На третьем курсе университета он прошел стажировку в издательстве Синьюнь. И с тех пор он там работает. Из стажера он превратился в младшего редактора, а затем поднялся по карьерной лестнице, став полноценным редактором, затем главным редактором. В конце концов, он стал заместителем директора всего редакционного отдела, а теперь работал директором нового отделения Тайны, управляя командой из примерно шестидесяти человек.

На стене "Выдающиеся сотрудники" в Синьюнь висела фотография Лю Чжицяня. На снимке он все еще выглядел полным юношеской бодрости и даже казался немного неопытным. Фотография, должно быть, была сделана много лет назад.

Сегодняшний Лю Чжицянь уже не был таким юным; казалось, что вся его жизненная сила куда-то пропала.

В последние годы издательская индустрия была не в лучшем состоянии, и многие сотрудники покинули Синьюнь. Тех, кто остался, можно было разделить на две категории: тех, кто закалял себя и упорно шел вперед, и тех, кто с трудом справлялся со своей работой, словно готов был

сдаться в любую минуту.

Лю Чжицянь взял страницу из обеих этих книг; оба описания наполовину подходили ему.

Шесть или семь лет назад, когда Лю Чжицянь еще работал старшим редактором, издательская индустрия переживала бум. Лю Чжицянь с головой окунулся в работу и выпустил более десяти бестселлеров подряд.

Но эти хорошие времена длились недолго, и бремя ежедневной неустанной работы стало изнурять Лю Чжицяня как физически, так и психически.

После более чем десяти лет бурных взлетов и падений в своей карьере Лю Чжицянь утратил все возвышенные идеалы своей честолюбивой юности. Теперь, одетый в парадную рубашку и костюмные брюки, ожидая зеленого света на оживленном перекрестке, он был просто еще одним обычным работающим членом общества.

Когда загорелся зеленый свет, Лю Чжицянь все еще был погружен в раздумья. Другие рядовые члены общества вокруг него, словно прилив, устремились на другую сторону перекрестка. Даже в знойную летнюю жару Лю Чжицянь вдруг почувствовал, как по позвоночнику пробежала холодная дрожь.

Только тогда он пришел в себя и быстро начал пробираться к другой стороне улицы.

Это был час пик, раннее утро. Согласно своему обычному расписанию, он должен был поспешить в свой офис и прийти на работу первым. Он должен был провести весь день, слоняясь по своему отделу, проверяя мелкие подразделения, находящиеся в его подчинении, проводя совещания, чтобы составить расписание на предстоящую неделю, посещая кабинет своего начальника, чтобы получить выговор, возвращаясь к своим подчиненным, чтобы отчитать их в свою очередь, и, наконец, покидая офис поздно вечером, после того, как в конце дня на десять минут отвлечется от работы.

Но в этот день вместо того, чтобы отправиться в офис, Лю Чжицянь взял портфель и направился в Макдональдс, где все еще подавали завтрак.

Он попросил отпуск в офисе, и в этот день ему не нужно было приходиться на работу.

С тех пор как он узнал, что полиция расследует дело Погребенного Сердца, он нервничал. Время от времени он впадал в рассеянность. Уже несколько дней он избегал офиса, ссылаясь на то, что у него есть дела по работе вне офиса, и слонялся между различными книжными магазинами в Луочене.

Само по себе это не было чем-то необычным. Сотрудники издательств, естественно, отвечали за поддержание прочных отношений с местными книжными магазинами. После того, как

новая книга появлялась на полках, редактор, отвечающий за нее, обычно посещал магазины, в которых она продавалась. Отчасти для того, чтобы посмотреть, насколько хорошо они продаются, а отчасти для того, чтобы оказать небольшое давление на книготорговцев. Поддерживая такие отношения, они могли получить лучшие места в магазине для своей продукции.

Но Лю Чжицян был основой Синьюнь на протяжении многих лет, а кроме того, он был главой отдела Тайна. Как правило, работа на местах не входила в круг его обязанностей. Он редко отрывался от работы, чтобы лично посетить книжные магазины.

Это было ненормально. И у этой ненормальности должна была быть причина.

Минг Шу дважды приходил в Синьюнь, чтобы повидаться с Лю Чжицяном, и оба раза так получилось, что он пришел, когда Лю Чжицяна не было в офисе. В первый раз у Минг Шу были другие дела, и ему пришлось быстро уйти. Во второй раз Минг Шу пришел с прямой целью встретиться с Лю Чжицяном.

Он будет ждать. Столько, сколько потребуется.

Столь частые визиты полицейского детектива вызывали тревогу у одних сотрудников и любопытство у других. Некоторые даже радовались тому, что воспринимали как знак несчастья для своих коллег.

Ни для кого не было секретом, что во второй половине года Синьюнь придется уволить значительное число сотрудников. Многие, заметив частое появление детектива, начали подозревать, что с книгой какого-то другого редактора что-то пошло не так, а если у другого редактора возникли проблемы, значит, у того, кто не попал в беду, было гораздо меньше шансов потерять работу.

Пока он ждал Лю Чжицяна, Минг Шу прошелся по отделу Тайн, расспросив нескольких молодых сотрудников об этом человеке.

Но все, с кем он разговаривал, казались нервными, и никто из них не хотел говорить ничего такого, что могло бы выставить их директора в плохом свете.

Минг Шу сверил время и в конце концов пошел стучаться в дверь кабинета Сунь Ша, заместителя директора по печати.

Сунь Ша было около сорока лет, немного старше Лю Чжицяна. У нее было круглое лицо и темные круги под глазами, она была похожа на изможденную офисную работницу.

Когда Минг Шу сел напротив нее, она посмотрела на него сквозь явную усталость и, поднявшись на ноги, неловко взяла бумажный стаканчик.

— Позвольте мне принести вам воды.

— Нет необходимости, — сказал Минг Шу. Его голос был несколько холодным, а взгляд не отрывался от ее лица. — Я не пью простую воду.

Сунь Ша, уже стоявшая у автомата с горячей водой, резко остановилась. Прошла неловкая пауза молчания, прежде чем она сказала:

— Я... я понимаю.

Минг Шу кивнул через весь офис на явно пустой стол.

— Лю Чжицяна нет, поэтому есть несколько вопросов, которые я должен задать вам.

Кондиционер в офисе был включен на полную мощность. Сунь Ша носила шелковый шарф, накинутый на плечи, — стиль, типичный для женщин ее возраста.

Возвращаясь на свое место, Сунь Ша несколько раз тревожно дергала за концы шарфа. Ее двойной подбородок подрагивал, когда она нервно сглатывала.

Минг Шу запечатлел каждую деталь ее реакции, а затем прямо спросил:

— Вы читали книги Погребенного Сердца?

— Го Сянь отвечает за Погребенное Сердце, — ответила Сунь Ша. Она смотрела на свои руки, не поднимая глаз.

— Не увильвайте от вопроса, — сказал Минг Шу. — Я не спрашивал о редакторе, отвечающем за Погребенное Сердце. Я спросил, читали ли вы сами книги Погребенного Сердца.

Сунь Ша начала ерзать, крутя руками то в одну, то в другую сторону. Ее щеки покраснели.

— Не читала.

— Не читали? — повторил Минг Шу. — Но я только что видел график работы вашего отдела, вывешенный на стене снаружи. Независимо от того, кто является главным редактором, любая книга, которую публикует ваш отдел, должна быть прочитана директором и тремя заместителями директора.

Сунь Ша резко подняла голову, ее глаза наполнились паникой.

— Очевидно, что вы читали книги Погребенного Сердца, но вы только что солгали мне и сказали, что не читали, — заявил Минг Шу. — Это говорит мне о том, что с книгами Погребенного Сердца что-то не так. Вы знаете, что с ними что-то не так, что-то не подходит для публикации, но по какой-то причине вы все равно их опубликовали.

Сунь Ша покачала головой:

— Нет, все... все не так!

Минг Шу наклонился вперед и уперся правым локтем в стол. Он устремил на Сунь Ша суровый, пристальный взгляд, но некоторое время молчал.

Молчание затянулось на целую минуту.

Только когда плечи Сунь Ша начали заметно дрожать, Минг Шу продолжил:

— Если все не так, то скажите мне, как все было на самом деле. Судя по вашей реакции, я думаю, что вы что-то знаете, но вы не можете принимать решения в таких вопросах. Вы всего лишь заместитель директора. Даже если происходят вещи, о которых вы знаете, что они неправильные, вы не можете контролировать эти решения, верно?

Глаза Сунь Ша внезапно покраснели, а морщинки в уголках ее глаз начали дрожать. Она несколько раз открывала и закрывала рот, но никаких слов не выходило.

— Не нервничайте. Подумайте, прежде чем ответить, — сказал Минг Шу. Он слегка, неторопливо похлопал по столу, показывая, что у него много времени и терпения.

Прошло три минуты, прежде чем Сунь Ша наконец заговорила снова. — Я тут ни при чем. Это Лю Чжицян подписал его. Я говорила ему, я предупреждала его, но он не слушал меня.

Минг Шу постучал указательным пальцем по столешнице.

— Похоже, проблема действительно существует. Пожалуйста, дайте себе время успокоиться, госпожа Сунь. Затем четко объясните мне, в чем проблема.

Губы Сунь Ша дрожали от явного колебания, она пыталась решить, что ей следует сказать, что она может сказать.

Минг Шу положил папку на ее стол и напомнил ей:

— Несколько листов бумаги не могут погасить огонь. Тот факт, что я посещаю ваш офис,

означает, что мы уже обнаружили улики, указывающие на то, что произошло какое-то правонарушение. Если вы расскажете мне правду сейчас, то последствия окажутся предпочтительнее, чем если бы мы докопались до истины самостоятельно.

— Я расскажу! Я расскажу! — Сунь Ша решила. Она даже сорвала свой шелковый шарф и отбросила его в сторону. — Директор Лю был тем, кто зашел слишком далеко. Он пошел на этот риск, ответственность лежит на нем. Го Сянь так молода и неопытна. Она думает, что любая хорошо написанная и увлекательная книга может принести огромную прибыль, она думает, что любая книга, которая может принести прибыль, должна быть опубликована. Но так не должно быть! Как издатели и редакторы, мы несем моральную ответственность перед обществом, чтобы убедиться, что то, что мы публикуем, соответствует действительности. Работы Погребенного Сердца никогда не были пригодны для публикации!

Минг Шу кивал время от времени, в нужные моменты.

— Насколько глубоко трогательная книга может повлиять на читателя... Вы не в этом бизнесе, поэтому, возможно, не можете себе этого представить, — сказала Сунь Ша. — Погребенное Сердце чрезвычайно талантлив. Все персонажи, которых он изображает, похожи на живых, дышащих людей. Но он прославляет насилие. Он изображает обычного человека с недостатками характера и увеличивает эти недостатки до тех пор, пока они не становятся чем-то непростительным. Затем его герои убивают этих несовершенных обычных людей во имя справедливости.

Она сделала паузу и сделала глоток воды, прежде чем продолжить:

— Погребенное Сердце — очень умный человек. Он пишет не те истории, в которых зло торжествует над добром. Вместо этого он упаковывает зло и изображает его как добро и справедливость. Когда его главные герои убивают персонажей с недостатками или совершивших небольшие ошибки, их не только не наказывают, этих убийц превозносят как святых и спасителей. Он изображает эти жестокие преступления как праведные акты "охоты на зло". Он использует свои произведения для очернения несовершенных людей, представляя их маленькие проступки как непростительные грехи. Одного этого достаточно, чтобы задеть за живое непостоянных и легко поддающихся влиянию читателей в нашем обществе. Когда я впервые увидела рукопись Погребенного Сердца, я поняла, что эта книга будет невероятно популярна и широко читаема. Но написанное слово может быть использовано как опасное оружие. Вот почему мы, издатели, всегда строго следим за тем, чтобы рукописи рецензировались на пригодность для публикации. Это не просто для того, чтобы угодить какому-то безликому начальнику. Это наша моральная ответственность перед обществом. И книги Погребенного Сердца никогда не соответствовали стандартам публикации в нашем издательстве Синьюнь.

— Но эти книги стали бестселлерами, — заметил Минг Шу.

Сунь Ша покачала головой, на ее лице была написана беспомощность.

Через мгновение она опустила голову на руки, как бы стыдливо готовясь сделать запоздалое признание.

— Директор Лю был моим стажером. Как редактор, он невероятно способный и опытный. Он поднялся по карьерной лестнице гораздо быстрее, чем я, и с тех пор стал моим начальником. — Она сделала паузу и вздохнула. — Сейчас он ветеран издательского дела. Те проблемы, которые Го Сянь не может увидеть в рукописи, директор Лю должен увидеть. Он знал, что послания в книгах Погребенного Сердца были слишком экстремальными. Он знал, что эти книги содержат подстрекательские материалы, но чтобы конкурировать на современном издательском рынке, он закрыл на это глаза и позволил выпустить их почти без редактирования. Он даже вырвал из этих книг самые экстремальные фразы и поместил их на обложках, чтобы заманить читателей.

Минг Шу процитировал:

— Некоторые люди заслуживают смерти.

Сунь Ша вытерла пот, кивнув.

— Именно так, именно эта фраза. Но это еще не все. В книгах Погребенного Сердца много элементов, которые обязательно найдут отклик у людей, и именно поэтому его книги так хорошо продаются. Но это вещи, которые легко могут найти отклик и у латентных преступников. Мы...

Когда Сунь Ша запнулась, не в силах продолжить, Минг Шу дал ей время, чтобы спросить:

— Что вы сделали?

Сунь Ша горько улыбнулась. Она встала и подошла к окну, глядя на улицу с одиноким и подавленным выражением лица.

— Мне было двадцать лет, когда я пришла работать в Синьюнь. Мой наставник сказал мне, что каждый редактор, каждый издатель должен отстаивать свои собственные ценности и мораль. Некоторые захватывающие истории рисуют черное как белое, добро как зло, и независимо от того, насколько привлекательны и востребованы такие книги, они просто не должны быть опубликованы. Мы не можем контролировать то, что выпускают другие издательства, но мы можем контролировать свой собственный контент. Раньше я думала, что твердо придерживаюсь своих собственных ценностей, а также ценностей моих наставников и читателей, но...

Сунь Ша на мгновение замешкалась.

— В последние годы, — продолжила она, — многие люди из молодого поколения нападали на

нас за то, что мы были баранами или лакеями правительства. Разве мы были неправы? Разве мы ошибались, считая, что несем моральную ответственность перед обществом?

Минг Шу не обладал глубокими познаниями в издательском деле, поэтому он не мог дать ей определенный, объективный ответ.

Сунь Ша быстро взяла себя в руки.

— Забудьте, это сейчас неважно. Давайте вернемся к Погребенному Сердцу. Рукописи Погребенного Сердца не были полностью уникальными. Когда мы получили его первую работу, это был не первый раз, когда мы получали что-то подобное. Тремя или четырьмя годами ранее мы уже видели нечто подобное. Но тогда наше решение всегда было одинаковым — мы либо просили внести существенные изменения, либо отклоняли рукопись для публикации.

— Что изменилось? — спросил Минг Шу. — Почему Лю Чжицян вдруг пошел против стандартов и правил, которых вы придерживались все это время?

— А какая еще может быть причина? Конечно, давление рынка. — Сунь Ша вздохнула. — Издательская индустрия переживает спад, и в попытке выкарабкаться из него мы провели много больших изменений в компании. Наш главный редакционный отдел был разбит на маленькие типографии, которые по большей части функционируют независимо друг от друга. Давление сверху на наш издательство невероятно велико. Мы должны продолжать выпускать книги, которые хорошо продаются, и если мы оступимся или потерпим неудачу, наш отдел распустят. Если это произойдет, мы, директор и заместители директора, не потеряем работу. Мы будем переведены на другие должности внутри компании, но это не касается наших молодых сотрудников. Ради них директор Лю решил рискнуть и поставить на кон производства Погребенного Сердца. В этих книгах зло выдается за справедливость. Они привлекают внимание и завораживают, и маскируются под книги о победе над истинным злом. А для директора Лю провести книгу через все этапы утверждения не составляет никакого труда. Он может склонить на свою сторону руководство с помощью подарков и лести, но это не тот способ, которым должен действовать издатель. Я выступала против этого решения, но я всего лишь заместитель директора. Если директор Лю хочет продвинуть книгу, он может продвинуть ее с моей подписью или без нее.

Минг Шу наконец-то понял. Именно поэтому Лю Чжицян выглядел таким встревоженным, когда они впервые посетили Синьюнь.

Фан Юаньхан выследил Лю Чжицяна в ближайшем книжном магазине и остановил его. Казалось, Лю Чжицян уже давно переживает тяжесть своих поступков. Как только он увидел приближающихся к нему полицейских, он рухнул под их тяжестью и упал на колени, рыдая.

Вид разрыдавшегося взрослого мужчины привел Фан Юаньхана в оцепенение.

— Это был мой проступок, вся ответственность лежит на мне. Я был одержим желанием добиться успеха, — признался Лю Чжицян, когда его привели в комнату для допросов в Бюро

Луочэна. Его голова была пристыженно склонена, и он продолжил: — Тогда, когда Погребенное Сердце только появился, наши продажи были не очень хорошими. Читатели остросюжетных романов становились все более неудовлетворенными произведениями, которые мы выпускали. По правде говоря, большинство читателей саспенса хотят больше острых ощущений и более захватывающего, душераздирающего материала. Книга без серьезных конфликтов и трагедий с трудом может их увлечь. В рукописях Погребенного Сердца не было ни капли милосердия или доброжелательности. В его произведениях роли добра и зла были перевернуты и восхвалялись беспричинные акты насилия. В его работах не было ничего, кроме конфликтов и трагедий, и это правда, что они не соответствовали нашим стандартам для публикации. Но эти книги обязательно покорили бы читателя. Они бы обязательно хорошо продавались.

Пока он говорил, Лю Чжицян поднял обе руки и потер глаза.

— Я получил приказ сверху быстро выпустить бестселлер, иначе они распустят часть нашего отдела. Я... у меня не было выбора, кроме как отбросить моральные обязательства и сосредоточиться на успехе нашего бизнеса.

— Но вы выпустили не один роман Погребенного Сердца, — сказал Минг Шу. — Потому что вкус успеха был слишком сладок, чтобы устоять. Верно?

Голова Лю Чжицяна опустилась еще ниже.

— Его книги... они действительно хорошо написаны. Он может быть фермером без формального образования, но он гений. Я завидовал ему, но и восхищался им. У него были все врожденные таланты, которых не хватало мне. С моими способностями я смогу только поддерживать такого гения. Его первая книга принесла нам успех, и этот успех принес нашему отделу благосклонность начальства. После этого мы выпустили еще несколько бестселлеров и укрепили свое положение как одного из лучших отделов издательства. Но когда я увидел, как молодые люди обсуждают темы этих книг и философию о том, что "некоторые люди заслуживают смерти", мне стало страшно. Были читатели, которые искренне считали, что пожилые люди, занимающие свободные места в общественном транспорте, или шумные дети, или родители, оставляющие своих детей одних дома, — все они заслуживают смерти. Мне было страшно! Я испугался, что рано или поздно кто-то из этих читателей воспримет послание Погребенного Сердца слишком серьезно и воплотит в жизнь идею о том, что "некоторые люди заслуживают смерти".

— Такой читатель уже появился, — сказал Минг Шу.

Глаза Лю Чжицяна наполнились ужасом, а его руки начали неконтролируемо трястись.

— Я... я так и думал. Иначе вы не были бы здесь, расследуя Погребенное Сердце, вы не расследовали бы деятельность нашего отдела. Мы можем отозвать все книги Погребенного Сердца, но влияние на общество... Я...

— У вас уже нет возможности устранить это, — холодно заявил Минг Шу.

Из комнаты для допросов раздался прерывистый, сдавленный всхлип, который эхом разнесся по коридору.

— Мои книги нарушили издательские правила? — повторил Хоу Чэн. Сбросив маскировку, он стал похож на одного из главных героев своих романов. Ненавистный и презрительный, смотрящий на мир свысока. — Тогда почему издательство Синьюнь приняло мои рукописи? Я всего лишь писатель. Я пишу книги, а не убиваю людей. Что это за десятилетие, а? Разве писателям не разрешается свободно выражать свои мысли? Синьюнь утверждает, что мои книги теперь нарушают их издательские правила, но почему они вообще разрешили их опубликовать? Они даже поместили самую провокационную цитату на обложку моих книг. Это все на их совести, я не имею к этому никакого отношения.

— Ты очень хорошо умеешь придумывать себе оправдания, — сказал Минг Шу.

— Это не оправдания. Я просто объясняю то, что ты не понимаешь. Я имею полное право объяснить тебе что-то, не так ли?. — Хоу Чэн мрачно усмехнулся. — Если издательство хочет отозвать мои книги сейчас, хорошо. Но они должны выплатить мне справедливую компенсацию, согласно нашему договору. Я еще раз повторю, я всего лишь писатель. Я не отвечаю за действия своих читателей. Я не отвечаю за сумасшедших, которые читают мои книги, выхватывают одну строчку и идут убивать людей. Когда монстр хочет убивать, он может найти десять тысяч причин для этого. То, что их "спровоцировали" мои книги, — лишь одно из этих тысяч оправданий. Если мои книги действительно способны спровоцировать насилие, тогда...

В глазах Хоу Чэна внезапно вспыхнул темный, холодный и безумный свет.

— Тогда, кто знает, сколько моих читателей уже охотились и убивали зло по всей стране?!

Зрачки Минг Шу от удивления сжались в точку.

По всей стране!

В своем предыдущем анализе ситуации он даже не предполагал такого масштаба.

Убийство в книжном кафе и убийство в общежитии колледжа. Оба случая произошли в городе Донгье, и преступники в обоих случаях уже задержаны. Их мотивы были предельно ясны, и при обычных обстоятельствах оба дела можно было считать закрытыми.

Только потому, что Лу Кунь неожиданно упомянул Погребенное Сердце, а Ли Хунмэй тоже

читала его роман, Минг Шу решил проверить этого автора.

Что же происходило в других городах?

Может быть, другие читатели уже давно попали под влияние автора и совершают свои собственные акты самосуда во имя "охоты на зло" по всей стране?

Может быть, эти дела казались настолько простыми, что ни одному детективу не пришло в голову копнуть глубже и расследовать дело Погребенного Сердца?

Все было так, как и говорил Погребенное Сердце. Он был просто писателем. У него не было возможности напрямую контролировать своих читателей. Если бы полиция расследовала его раньше только потому, что его книги читали люди, которые впоследствии совершили серьезные преступления, то, скорее всего, их расследование сочли бы пустяковым. Общественность бы ругала их за то, что они тратят время и ресурсы на бесплодную погоню.

Единственной причиной, по которой Минг Шу смог приехать в Луочэн, чтобы найти нить Погребенного Сердца, был Сяо Юань, который оказал ему полную поддержку.

Пульс Минг Шу постепенно учащался. Когда он посмотрел на Хоу Чэна, то увидел на его лице невероятно самодовольное выражение, очевидно, считая, что Минг Шу ничего не сможет ему сделать.

— С теми доказательствами, которые у нас есть, мы ничего не можем сделать, чтобы задержать Хоу Чэна надолго, — сказал Сяо Юань, потирая виски. — Мы можем заставить Синьюнь отозвать свои книги, но не более того.

— Я на это не соглашусь! — заявил Минг Шу. После стольких бессонных ночей красные вены в его глазах стали более выраженными, а голос — хриплым и осипшим. — Его намерением было подстрекать своих читателей к убийству. Он сделал это намеренно, и именно поэтому он подделал для себя фальшивую личность. Если бы он не знал, что его произведения могут иметь такие последствия для общества, зачем бы он так старался скрыть свою истинную личность?.

— Ты прав. Мы все считаем, что он намеренно подталкивал своих читателей к убийству, особенно молодых и легко поддающихся влиянию. Но мы не можем использовать эти подозрения в качестве доказательства, — сказал Сяо Юань. — Он может легко переложить всю ответственность на Синьюнь. То, что он держит в руке, — это ручка. Не нож, не пистолет.

— Но он может убить этой ручкой! — воскликнул Минг Шу. — Нам нужно доказать, что он действительно убил кого-то, прежде чем мы сможем...

Сяо Юань поднял голову, когда Минг Шу внезапно замолчал.

— Хм?

— Действительно... убил кого-то... — пробормотал про себя Минг Шу, сильно надавливая на виски.

Его голова внезапно разболелась, словно забытая мысль пыталась вырваться наружу.

— Что случилось? — Сяо Юань подошел к Минг Шу, осторожно положил руку на его затылок и слегка помассировал.

— Что, если Хоу Чэн действительно убил кого-то? — воскликнул Минг Шу, внезапно подняв голову. — Когда мы думали, что "настоящее" Погребенное Сердце прячется, мы боялись, что Хоу Чэн мог быть убит этим "настоящим" Погребенным Сердцем, чтобы скрыть свои следы. Но что теперь? Как насчет того молодого человека, который, по словам Хоу Чэна, был "настоящим" Погребенным Сердцем? Мог ли тот молодой человек уже быть убит Хоу Чэном?

Глаза Сяо Юаня сосредоточенно прищурились, взгляд стал холодным и напряженным.

В кабинете воцарилась тишина. Минг Шу стоял на месте, не шевелясь. Вдруг, как молния, промелькнуло вдохновение, и он вспомнил ту мимолетную мысль, которую не успел уловить еще в доме Хоу Чэна.

— Я понял! — Он звонко хлопнул в ладоши.

— Что? — спросил Сяо Юань.

— Запах в подвале Хоу Чэна был ужасным, — объяснил Минг Шу, почувствовав новый прилив энергии. — Мы нашли там кучу гниющих арбузов. Когда Фан Юаньхан спросил меня, зачем хранить столько арбузов в таком месте, я ответил, что в подвале обычно прохладнее, чем в остальной части дома. Я сказал ему, что хранить там овощи вполне логично. Но я упустил одну вещь. Даже если подвал был хорошим местом для хранения арбузов, Хоу Чэн должен был убрать гнилые, как только они испортились. Зачем ему было оставлять их там? Подвал — это часть его дома. У него должна была быть причина так пренебрегать подвалом, если он держит верхние этажи в чистоте! А причина, по которой он оставил там гниющие арбузы, могла быть в том, что он хотел использовать их, чтобы скрыть другой запах... Мы все еще не раскрыли все секреты этого подвала!